

изменить свою судьбу. Этот мифологический образ во многом схож со сказочным образом Судьбы. В текстах несказочной прозы обычно производится четкое разграничение терминологии судьбы: если термин *Μοίρα* употребляется в отношении МП, определяющих судьбу новорожденного, то *Τύχη* — в отношении личной судьбы.

С к а з к и. В рамках сказочного дискурса образ личной судьбы видоизменяется, приобретая характерные особенности сказочного персонажа. Это преимущественно старушка, часто с прялкой в руках, которая встречается герою в трудный момент, когда он должен пройти испытание, и выполняет функцию чудесного помощника. Сравнительно небольшое число тестов, однако, показывает совсем другую картину: персонифицированная судьба предстает в виде злого персонажа, противостоящего герою или не принимающего никакого участия в его жизни. На лексическом уровне в сказочном дискурсе наблюдается смешение имен *Μοίρα* и *Τύχη* в значении ‘личная судьба’ и единичное использование других имен (например, *Μπεκρού* — ‘пьяница’).

Μέγας Γ. Ελληνικά εορταί και έθιμα της λαϊκής λατρείας. Αθήνα, 1976.

Е. С. Коган

Уральский федеральный университет, Екатеринбург
ekaterinakogan@yandex.ru

Реальные и ирреальные ситуации как образная основа фразеологизма

С точки зрения соотношения плана выражения и плана содержания фразеологические единицы (далее — ФЕ) обладают определенной ситуативной «двоичностью»: одна ситуация подвергается называнию при помощи ФЕ, другая является образом, посредством которого происходит обозначение. При этом ситуации, лежащие в основе «исходного» образа, можно разделить на реальные, т. е. такие, которые

действительно имели / могли иметь место, и ирреальные — те, которые по некоторым причинам не могут осуществиться.

Основополагающим признаком для выделения ситуации предлагается считать наличие эксплицитной или имплицитной предикативности, т. е. соотносительности описываемого явления, факта с определенным промежутком времени, а также своеобразной «наполненности» этого промежутка времени действием.

Согласно Б. Потье, находящееся в центре концептосферы *ego* («я») окружено тремя полями — время, пространство и знание, включающее в себя представление о причинно-следственных связях [см.: Pottier, 1992, 73–74].

Для фразеологизмов, основанных на потенциально реальных ситуациях, характерно минимальное использование темпоральных образов. Наименования промежутков времени, временных периодов не задействуются, и одним из немногих базовых образов — и то с определенной оговоркой — можно назвать образ ситуаций, занимающих определенное количество времени: перм. *доле ворона на кусте сидит* ‘кратковременно, непродолжительно’. Время осмысляется как предельно объективная, независимая от человека категория; кроме того, время обладает изменчивостью, что определяет сложность использования темпоральных образов в качестве базы ФЕ.

Пространство воспринимается более постоянным; ситуации, обладающие пространственными характеристиками, способны к неоднократному повторению; среди множества ситуаций выделяется чаще всего повторяющаяся либо наиболее яркая, — и, фразеологизируясь, она становится репрезентантом более широкого спектра ситуаций.

В своем восприятии человек членит пространство, зонировывает его, выделяет определенные маркеры. Можно обозначить следующие связанные с пространством ситуации: преодоление границы пространства (перм. *за ворота выйти* ‘умереть’, *за огород не бросишь* ‘не откажешься, не освободишься как от чего-л. ненужного’, *в чужую дачу заехать* ‘достигнуть преклонного возраста’), определение меры пространства (печор. *выше забора считать себя* ‘вести себя заносчиво, высокомерно’), перемещение в пространстве (перм. *ко кресту ехать* ‘умирать’).

Фразеологизмы, использующие образы сферы знания, характеризуются особой связью плана выражения и плана содержания, когда план содержания является не только генерализацией отношений,

обозначенных через частную ситуацию плана выражения, а логическим «выводом» из нее: перм. *у сусека дна не видит* [потому что] ‘жить в недостатке, обеспеченности’.

В качестве наиболее распространенных исходных ситуаций используются жесты (пск. *две руки к сердцу* ‘ничего не имея при себе, оставшись без средств существования’), действия бытового характера (печор. *веревку извить* ‘запутанно сказать, схитрить, обмануть’, пск. *на собаках шерсть стричь* ‘бездельничать, уклоняться от работы’), действия, связанные с ремеслами и промыслами (перм. *кислую шерсть бить* ‘заниматься маловажным делом, бездельничать’). В данной группе наиболее ярко проявляется реакция языка на изменение окружающей действительности — происходит вплетение новых образов и ситуаций в основу фразеологизма: перм. *в белой майке ходить* ‘пользоваться привилегиями’.

ФЕ, основанные на ирреальных ситуациях, могут образовываться в рамках следующих схем.

Ситуации темпоральной ирреальности: несуществующий период времени (пск. *до морковкиных заговен* ‘о неопределенно долгом сроке’), аномальный ход времени (пск. *искать вчерашний день* ‘заниматься бесполезными поисками чего-л.’, перм. *наказывать четвергов с неделю* ‘наговорить много’), несоответствие факта действительности заданной временной зоне (пск. *в Петров день на льдине разорвало* ‘о том, чего не было, не существовало, не существует’).

Ирреальность, связанная со сферой пространства, базируется на следующих ситуациях: несоответствие места производимому действию (пск. *утонуть на сухом берегу* ‘надолго где-л. задержаться’), ирреальность места, связанного с совершением действия (пск. *душа в рай бегаёт* ‘кто-л. испытывает приятные чувства’), нарушение физических законов, связанных с пространством (печор. *скорее Печора вверх пойдет* ‘о том, что не может произойти’).

Ирреальность сферы знания передается следующими типами ситуаций: несоответствие материала объекту (пск. *с песку веревки вить* ‘заниматься бесполезным делом’, печор. *из бревна малычку сделать* ‘о неумелом, неэкономном человеке’), использование объекта в функции, ему не присущей (пск. *лаптем щи хлебать* ‘жить в нищете и невежестве’), упоминание несуществующего объекта (пск. *только птичьего молока нет* ‘о разнообразии, обилии чего-л. у кого-л.’),

восприятие абстрактного объекта как конкретного (печор. *завязать горе веревочкой* ‘перестать печалиться’), нарушение биологических законов и процессов (рус. *коми глядеть ротом* ‘быть рассеянным, невнимательным; глазеть по сторонам, ротозейничать’, *семь отцов, восьмой батюшко* ‘кто-л. не имеет, не знает своего родного отца (о внебрачном ребенке)’), одновременное выполнение двух взаимоисключающих действий (перм. *стоит да идет* ‘дело не продвигается’).

Pottier B. Sémantique générale. Paris, 1992.

М. М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль
mmkondratenko@gmail.com

Славянская диалектная хрономимия как источник сопоставительных этнолингвистических исследований

В настоящее время мы наблюдаем развитие этнолингвистического подхода к описанию языковых единиц, в рамках которого последние изучаются через призму репрезентации ими феноменов традиционной культуры. Одновременно расширяются исследования в русле анализа явлений изосемии, связывающих лексику достаточно удаленных в генетическом отношении говоров. В этом отношении вызывает интерес перспектива изучения славяно-германских семантических параллелей в свете раскрытия сходства и различий внутренней формы наименований, характерных диалектных образов, лежащих в их основе и составляющих важную часть традиционной духовной культуры.

Одним из пластов диалектной лексики, которые особенно важны для исследований подобного рода, является народная хрономимия. Самым непосредственным образом с задачами этнолингвистики связано изучение наименований праздников и сопровождающих их названий персонажей народной мифологии, обладающих отнесенностью